

«Прославим, братья, сумерки свободы»

Сегодня великому русскому поэту Осипу МАНДЕЛЬШТАМУ — 100 лет

«Тюремщики любят читать романы и больше, чем кто-либо, нуждаются в литературе», — писал Осип Мандельштам. Трудное имя и трудная судьба сделали его героем мифа. В нем самом было мало героического, а жизнь сложилась страшнее греческих трагедий.

В стране, где трудно оставаться человеком, Мандельштам был поэтом. Не больше чем поэтом и, может быть, поэтому — крупным явлением отечественной культуры.

Он всю жизнь жил «ворованным воздухом» литературы, не имея угла, краюхи, иногда даже обрывка бумаги, чтобы записать душившие его строки. «У меня нет рукописей, нет записных книжек, нет архивов. У меня нет почерка, потому что я никогда не пишу. Я один в России работаю с голоса...»

Добавим, что долгие годы при жизни и после гибели не было книг. Мы знаем Мандельштама почти понаслышке и любим скорее не за стихи, а за судьбу. Так вышло, что у нас порой мера страдания в сознании уравнена с мерой таланта. Скольких авторов, скольких произведений мы теперь признаем только за то, что они испытали, перенесли, а вовсе не написали.

В отличие от многих Мандельштам не был безропотной жертвой. Написав еще в тридцать втором году знаменитое «Мы живем, под собою не чуя страны», кстати, не самое сильное, но, пожалуй, самое известное свое стихотворение, он не только не уничтожил его в момент, когда поставил точку, но осмелился читать друзьям и знакомым. Это была безумная отвага или неслыханное безрассудство. Он стал жертвой обоснованных репрессий, и от того имя его высвечено среди тысяч других в незыримых, не выбитых еще на граните бесконечных списках.

Мандельштам был человеком культуры, ее порождением. Это была его стихия. Он был сродни некой летучей рыбе. Когда стали строить ка-

налы и осушать водоемы, ему оставалось биться о камни и по-рыбьи молчать. Эпоха культуры кончилась. Круг близких людей, для которых она была единственным кислородом, становился все уже. Но поэт преодолел немоту. Может быть, уже тогда возник миф о вычурности, изощренной сложности, непонятности его поэзии. Но тем, кто дышал одним с ним воздухом, он был понятен. Воздух выкачали. Пришли новые, те, что загадили челдиниевские чаши Эрмитажа, сожгли библиотеку Блока, вознамерились разрушить старый мир до основания. Им Мандельштам был чужд и даже враждебен. Он, как сказал уже в наше время другой Иосиф, прекрасный поэт: «не любил жлобства».

Стоит ли удивляться, что в глухих душах потомков, которым Мандельштам знаком по песням А. Пугачевой, его поэзия часто не находит отзвук, не рождает «узнавания миг». Это наша вина и беда.

Грустно и то, что канун столетия поэта пришлось на эпоху слов. Их тысячи, и все они не имеют ни силы, ни смысла, ни запаха, ни цвета. В лучшем случае это некие понятия из лексикона. Послушайте наших многочисленных и речистых вождей. Слепая мысль прорывается сквозь ржавые схемы, кучи словестного мусора и ухабы косноязычия. Она доходит до слушателя потерявшей силы и умирает. «Социальные различия и классовые противоположности бледнеют перед разделением ныне людей на друзей и врагов слова».

В России слово всегда было деянием, творением, равным чуду. «Здесь убивают за стихи — знак неслыханного к ним уважения, потому что здесь еще способны жить стихами». В это искренне верила Н. Я. Мандельштам, сохраняя его стихи. Литература была политической, религиозной, оппозицией. Теперь, когда почти все разрешено, она утратила прежнее предназначение и не нашла нового. Для одних — стала предме-

том политических спекуляций, для других — способом обогащения и почти ни для кого — способом существования личности. Наверное, литература нужна во времена, когда ничего нет в помине — все собой заменяя и заполняя, или во времена, когда уже все есть и не хватает только ее, для полного счастья. Сейчас — провал безвременья. «Яблоки, хлеб, картофель — отныне утоляют не только физический, но и духовный голод».

Поэзия утратила мистический, божественный смысл. А без него она остается грудой слов, в лучшем случае — забавой. Мандельштам обладал пророческим даром, вечным спутником поэтического. Человек, в отличие от животного, не только предчувствует будущее, но посвященным благовещивается о нем свыше. Только тем, кто может высказать весть, донести ее. Сегодня все чаще приходят на ум точные мандельштамовские строки, например: «Так в Нагорном Карабахе в хищном городе Шуше, я изведал эти страхи, соприродные душе...»

Мандельштама часто представляют эдаким небожителем, оторванным от земли. Но ведь именно он смог пропустить сквозь свою поэзию ток высокого напряжения, пытаясь соединить оголенные провода, восстановить прерванную связь времен. Спустился с горных высот в крошечный ужас советского бытия, «и хотелось бы тут же вселиться, пойми, в долговечный Урал, населенный людьми». Но, сам себя уговаривая, неизбежно обрекая на действительность, которая была ему органически чужда, он так и не смог разменять «последний грош души». Душа оказалась неразменной.

Жаль, что в России нет улицы Мандельштама, о которой с грустной иронией писал когда-то сам поэт.

Спасая душу, он не уберег жизнь. Тогда выбор стоял именно так. Его стихи — попытка сохранения личности в

эпоху тотального обезличивания, хрупкое «Я» человека, на краю гигантской мясорубки.

Моя страна со мною
говорила,
Мирволила, журила,
не прочла...

Стихи датированы июнем 1935 года. Прошло уже больше полувека, а «самая читающая в мире» так и не открыла собрание сочинений, даже избранного, своего великого сына, издавая тонны макула-

туры и сетуя на нехватку бумаги.

За год до гибели, теперь уже известные время и место, Мандельштам в письме к Ю. Тынянову пророчески заметил:

«Вот уже четверть века, как я, мешая важное с пустяками, наплываю на русскую поэзию; но вскоре стихи мои с ней сольются и растворятся в ней, кое-что изменив в ее строении и составе».

А. АМЛИНСКИЙ.